

Л. А. Меньшиков¹

СТАТУС ЦЕННОСТЕЙ В ПОСТМОДЕРНЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Исследования, направленные на определение хронологических рамок, сущности и содержания постмодернистской культуры, ставшие в последнее десятилетие актуальными, настоятельно требуют изучения вопроса о месте понятия «ценность» в постмодернистском мировоззрении, об отношении постмодерна к общечеловеческим ценностям и возможности реконструкции постмодернистской системы ценностей.

Достаточно устоявшимся является взгляд, восходящий к классической работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» и его идее о постмодерне как эпохе «недоверия к метарассказам»: «В современном обществе и культуре... вопрос о легитимации знания ставится в иных выражениях. Великий рассказ утратил свое правдоподобие»². В контексте этого взгляда постмодернизм может быть определен в терминах «культуры-безценностей». Легитимация культурного факта теперь происходит помимо выяснения отношения к ценности. Возможен даже разговор о «смерти ценностей». Из глобального отвержения объяснительных систем и авторитетов следует утверждение того, что невозможно какое бы то ни было установление приоритетов в отношении человека к той или иной социокультурной реальности, то есть установление ценности. В результате отношение к культурной значимости, полезности, важности, включаемое в понятие ценности, не может быть четко определено в контексте постмодернистского мировоззрения. Постулируется принципиальная обесцененность культурных фактов.

Существуют теоретико-культурные параллели для подобного толкования социокультурной реальности. Так, в рамках культурного релятивизма, распространившегося в качестве популярной культурологической парадигмы во второй половине XX века, подобное отношение к ценности высказывается не как характеристика того или иного исторического периода, а как общий методологический принцип межкультурного диалога. Культурно-релятивистский взгляд, предполагающий толерантное отношение к культурным фактам по причине того, что все они являются ценностью для какого-то носителя данного культурного факта, был, с одной стороны, продолжен в постмодернистской теории культуры, а с другой стороны, превращен в ней в прямо противоположный взгляд. Это произошло постольку, поскольку постмодернизм не просто релятивизирует ценности, а релятивизируя, отрицает их. Бо-

лее того, претензии установления того или иного отношения к культурному факту как ценности неизменно должны трактоваться в постмодернизме как проявления насилия и культурной экспансии. Такая точка зрения, которая может быть названа точкой зрения «радикального постмодернизма» в отношении к ценностям, является весьма распространенной в классических сочинениях по теории постмодернистской культуры — от деконструктивистской и постструктуралистской критики до классиков «высокого» постмодернизма.

Близкое отношение формируется и в рамках мультикультуралистской теории, которая может быть сведена к попытке разрешения дезаксиологизма постмодернистского взгляда на мир, — объявление толерантности по отношению к культурным привычкам и образу жизни социальных и этнических групп, составляющих меньшинство в культуре, по сути дела, ведет к отрицанию ценности как коренного основания культуры. Это происходит потому, что признание равноправия культурных форм приводит к отрицанию сути понятия ценности — приоритета одного культурного факта над другим. Ценности иной культуры, будучи воспринятыми, очевидно, должны быть встроены в систему ценностей культуры-реципиента. Поскольку они являются ценностями иной культуры, они с необходимостью будут маркированы как высокие или низкие (в зависимости от типа отношения культуры-реципиента к культуре-донору), в результате чего произойдет либо признание их как ценности, либо отрицание. Но и то и другое в равной мере означает отказ от признания их равноправия — они встраиваются в существующую систему, таким образом устанавливая с ней определенные отношения зависимости. Тем самым мультикультуралистская теория, признавая равноправие ценностей, на самом деле содержит в себе основания для разрушения ценности как таковой. Все эти теоретические основания и были обобщены постмодернистской теорией, которая сделала реальные исторические выводы из данных теоретических построений. Но как культурно-релятивистские, так и мультикультуралистские теории могут быть подвергнуты справедливой критике, и тем самым постмодернистские выводы из них также должны быть смягчены.

В связи с этим существенным является вопрос о движущих причинах подобного отношения к ценностям. Существует ряд достаточно устоявшихся оснований «смерти ценностей». В качестве характерного примера можно вспомнить высказывание Т. Адорно о «невозможности писать музыку после Освенцима». Безусловно, в кризисе ценностей значителен вклад гуманитарной катастрофы Второй мировой войны, ставшей одним из толчков для формирования постмодернистской культуры, равно как и гуманитарных катастроф, последовавших за ней и приведших мир в перманентное «состояние катастрофы», как еще может быть определен постмодерн. Глобальное изменение сознания человечества в его отношении к моральным

¹ Заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат философских наук, доцент. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Энциклопедия на границах эпох», «Тотальное искусство за порогом молчания», «Культура постмодерна», «История культуры как «вечное возвращение» стиля», «Новые традиции и постмодернистское искусство: о методологии изучения», «Современная философия в Европе и России», «Мессианизм в русской культуре Серебряного века: Соловьев и Скрябин о роли искусства и художника», «Искусство «без границ» как новая форма креативности», «Философия культуры. Идеи о культуре в истории западной общественной мысли» и др.

² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 92.

нормам, в определении ценности человеческого и личностного в культуре, произошедшее в результате изменения отношения к смерти, связанного с войной, имело далеко идущие последствия.

Поскольку пошатнулись основополагающие устои, составлявшие, как казалось, фундамент всех известных исторических типов культуры, и прежде всего европейской культуры в ее общечеловеческом звучании, подверглась деформации вся система ценностей европейской культуры, которая и воспринималась, несмотря на достаточно продолжительную традицию теоретической борьбы с европоцентризмом, как общечеловеческая. Вслед за основополагающими этическими ценностями, продемонстрировавшими свою нежизненность и неработоспособность, стали проявлять неустойчивость и прочие составляющие ценностной системы. В результате этого мы не можем выразить однозначное отношение той или иной современной культуры к основным ценностям европейца — жизни и здоровью, семье и дому, работе и включенности в общество, материальному благосостоянию, духовности и личностному росту, удовольствиям и развлечениям, творчеству и образованию, свободе, гармонии и счастью. Каждая из этих ценностей приобретает относительный характер и может как вызывать крайне негативные оценки, так и подавлять собой остальные, тем самым ломая и разрушая систему.

Принципиально иной взгляд представлен в исследованиях общества второй половины XX века, проведенных Р. Инглхартом, которые позволяют определить постмодернизм как постматериалистическое состояние мира ценностей. Инглхарт писал о «сдвиге от материалистических приоритетов к постматериалистическим — переходе первоочередной роли от вопросов материальной и личной защищенности к проблемам самовыражения и качества жизни»¹. В качестве основания постмодернистской культуры в данном случае следует рассматривать не катастрофизм политических отношений, а стабильность экономического уклада и общий рост благосостояния, наблюдавшийся на протяжении второй половины XX века на территории западного мира. Понятие «мировая система ценностей», предлагаемое Инглхартом, заставляет смотреть на постмодернистский мир как на время становления новой системы ценностей. Наблюдаемые в этих исследованиях рост личностного участия в жизни общества и усиление интереса к духовным ценностям оказываются возможными благодаря мнимому разрешению экономических противоречий, которое имеет как объективный характер — повсеместного повышения уровня материального производства относительно более раннего исторического состояния, так и субъективный — ощущение благополучия и стабильности на фоне полувекового периода сравнительного политического постоянства и экономической успешности.

На современной стадии развития общества все поставленные в истории философской мысли проблемы существования человека, выраженные в ценностях, оказались более или менее удачно разрешенны-

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011. С. 57.

ми в практической жизни. Новая же проблематизация общественных отношений происходит на наших глазах и пока не имеет должной завершенности и систематичности. В результате в жизни конкретного человека возникает ощущение разрешенности или ожидаемой разрешаемости всех сколько-нибудь значимых проблем существования — от экономических и политических до преодоления старения и смерти. Формируется осознание мира, которое может быть названо «вялотекущим оптимизмом», — общее оптимистическое ощущение мира, рожденное еще авангардной культурой, дополняется неприятным, затягивающим и «тошнотворным» (в терминологии Сартра) ощущением безысходности и бессмысленности поиска положительного смысла. Поэтому растет значение сфер жизни общества, занятых формированием ценностных ориентаций — культура приходит в постматериалистическое состояние.

Указанные аспекты проблемы соотношения постмодерна и ценностного мира культуры могут быть названы негативной и позитивной аксиологией постмодерна. Нельзя не обратить внимания и еще на одну, практическую, сторону, связанную с особенностями формирования ценностного мира в постсовременной культуре. Со становлением практической социологии возникает новая культурная реальность, порожденная социопросами как специфически социологической методикой исследования. Социопросы, которые были первоначально лишь вспомогательной исследовательской методикой, постепенно благодаря средствам массовой информации приобретают характер новой культурной формы. Они превращаются сначала из средства исследования общественного мнения в средство его формирования, а затем и в форму бытия современной культуры. Ни одна из сфер нашей жизни немаловажна сегодня без всевозможных социологических и псевдосоциологических анализов текущей культурной ситуации. Всевозможные рейтинги, шорт-листы, топ-листы и прочие аналогичные формы исследования не столько изучают то или иное состояние культуры, сколько в значительной степени формируют его, уже не анализируют существующую систему ценностей, а устанавливают свою собственную. Это — будучи осмысленным культурой — приводит к одному простому и очевидному результату. Система ценностей, которая ранее воспринималась как объективная и связанная с глубинными устоями культуры в целом, начинает восприниматься как искусственная реальность, подлежащая целенаправленному формированию, что не может не вызывать недоверия к ней, поскольку условия, способы и участники формирования этой системы могут быть сомнительными и не соответствующими идеалу.

Сами понятия ценности и системы ценностей становятся относительными, вариабельными и небесспорными. Это лишь усиливает «апокалипсический тон современности», вводя человека в состояние неуверенности в его положении в мире, — это положение оказывается крайне неопределенным, человек пребывает в состоянии невозможности его четкого и систематического определения — положение в мире рейтингов зыбко, поскольку они поминутно меняются

и не могут быть закреплены в стройной системе ценностей. Выражением этого становятся попытки сведения системы общечеловеческих ценностей к ценностям одного порядка, который также имеет тенденцию к вытеснению другим, столь же неопределенным и непостоянным. Одной из таких попыток становится «эстетический поворот», осуществленный в культуре XX века. В его рамках происходит мнимое конструирование системы ценностей, которая уже не может удержаться в качестве системы: «Эстетическое обращено к открытости события; так создается основание для представления особой целостности, отличной от мировоззрения, от проекта, от картины мира, но со-

храняющей в своей данности следы предшествующих опытов понимания»¹. Эстетическое как важнейшее проявление аксиологического отношения на протяжении всего XX века стремится к конституированию культурного опыта в рамках своих средств. Но указанная попытка лишь драматизирует опыт построения постмодернистской культуры и демонстрирует, с одной стороны, действительность осуществленного проекта конструирования культуры без ценностей, а с другой стороны, его бесперспективность, поскольку данный проект представляет собой лишь определенную форму новой культурной целостности, возможность которой постмодерн отрицал.

¹ Грякалов А. А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: Топос Homo Aestheticus // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 55.